

«Декамерон»: о возможности любви на самоизоляции

СВЕТЛАНА ПОЛЯКОВА

Доцент, кафедра онтологии и теории познания, философский факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: svetpolyakova@gmail.com.

Ключевые слова: Джованни Боккаччо; «Декамерон»; пандемия; COVID-19; насыщенный феномен; оптимизм воли; страх смерти; дар; антропология пира.

В статье, построенной в жанре утешения философией, речь идет о пандемии COVID-19 как новом сверхфеноменальном опыте, отмеченном чрезвычайной интенсивностью переживания собственной уязвимости и конечности и проблематизирующем наши прежние представления о человеке. Автор предлагает найти утешение и осмыслить наше положение, оттолкнувшись от перформативного парадокса «Декамерона» Джованни Боккаччо, содержащего, вероятно, самое известное описание эпидемии чумы и при этом остающегося одним из самых веселых и жизнелюбивых текстов в европейской литературе. В статье показано, что утешение «Декамероном» не сводится, как это принято считать среди широкой публики, только к рассказыванию развлекающих и отвлекающих от горя историй. Не сводится оно и к изобретению социальных практик построения нового, более совершенного общества, хотя все это в нем, как показывает автор, без сомнения, есть и выполняет свою милосердную работу.

Утешение «Декамерона» в конечном счете основано на предположении метафизических глубин самого человека в его непостижимой, но с очевидностью реализуемой в тексте «Декамерона» невозможной возможностью любовно принять данность мира как благословенный Дар, помыслить саму событийность как дарованность. В статье выдвигается тезис, что антропологией, на которой основывается утопия Боккаччо, является антропология пира, понятая в духе платоническо-христианской традиции. Автор выражает надежду, что антропологическая оптика Боккаччо, направленная на преодоление пессимизма разума и утверждающая оптимизм воли и веры, может помочь читателю обрести смысл и радость посреди страданий и смерти как неотменимой рамочной конструкции жизни. Свидетельством тому — веселый голос Боккаччо, доносящийся к нам из далекой зачумленной Флоренции и предлагающий свои рецепты исцеления «ран бытия».

НАШЕСТВИЕ нового странного вируса *COVID-19*, источники которого были немедленно мифологизированы, испугало всех жителей планеты и радикально изменило их жизнь. Эпидемия, впервые в истории обернувшись пандемией, унесла уже сотни тысяч жизней, обрушила мировую экономику, запретила или трансформировала большую часть наших привычных жизненных практик и заставила пересмотреть свои жизненные стратегии и ценностные иерархии. В экзистенциальной перспективе через увеличительные линзы пандемии снова стали отчетливо видны хрупкость нашего существования, его конечность и тотальная негарантированность завтрашнего дня. Для многих 2020 год войдет в историю как год вхождения в нашу жизнь трансценденции. В марте 2020 года раввин Джонатан Сакс, влиятельная фигура интеллектуальной жизни Великобритании, назвал катастрофу, вызванную коронавирусной инфекцией *COVID-19*, «наиболее близким к откровению явлением с точки зрения атеистов»¹.

С известной долей экстраполяции этот новый опыт можно описать, прибегнув к языку современной французской постфеноменологии, как *насыщенный феномен*. Постфеноменологами этот термин, как правило, применяется для описания нередуцируемой феноменологически реальности религиозного опыта. В любом случае за ним стоит опыт, радикально выходящий за рамки нашего привычного горизонта восприятия, опыт, который отмечен чрезвычайной интенсивностью его проживания и обладает самостоятельной агентностью. Говоря словами Жана-Люка Мариона, автора данного концепта, насыщенный феномен сам берет на себя «инициативу своего явления»², что позволяет говорить о некоей пассивности субъекта восприятия, для которого этот тип феноменологического опыта предстает как данность, причем данность не только нашего сознания, как в классической феноменологии, но данность всего существа, всех душевных и телесных составов человека. Мы перестали быть агентом, производителем исти-

1. Сасскинд Д. Как изменится мир после COVID-19? // Финансы и развитие. Июнь 2020. С. 26.

2. Marion J.-L. *Étant donné. Essai d'une phénoménologie de la donation*. P.: PUF, 1998. P. 30.

ны и «становимся лишь свидетелями разворачивающегося перед нами зрелища»³. В силу этого субъект, испытывающий подобный сверхопыт, не находит себя по отношению к нему в привычной для нововременного человека активной позиции, из перспективы которой он ощущает себя если не ницшеанским *Übermensch*, то хотя бы трансцендентальным кантианским субъектом. В случае насыщенного феномена не субъект конституирует параметры и смыслы проживаемого опыта, а, напротив, сам аффицируется им, ранится, претерпевает то, что без спроса вторгается в его реальность, скручивая, сминая, стирая ее, превосходя человеческие силы и возможности восприятия. Подобный опыт превращает человека из хозяина жизни в того, кто должен претерпеть. Возможно, претерпеть до конца.

Пандемия, этот новый для человечества опыт, обладает всеми перечисленными чертами. Его невозможно не (вос)принять, невозможно отменить, от него невозможно застраховаться. Надоевшая всем фраза, ставшая слоганом времени пандемии — «мир не будет прежним», — убедительно свидетельствует о нашем смятении, о невозможности из этой точки помыслить сценарий вероятного будущего, о нашем травматическом опыте аффицирования, другими словами, о сверхфеноменальности происходящего. И если все это так и мы оказались внезапно не в седле, а в телеге жизни, потеряв привычные ориентиры и контроль над происходящим, то не наступила ли пора в очередной раз реактуализировать кантовский вопрос — что есть человек? И понять, что мы должны делать и на что надеяться.

Утешение «Декамероном»

Человечество не раз входило в подобные зоны природной и исторической турбулентности, начиная от природных катастроф и кончая смертоносными эпидемиями, чаще всего бубонной чумы. О том, как это происходило, а главное, что думали и чувствовали люди минувших эпох, оказавшиеся в центре подобных событий, лучше других свидетельствуют дошедшие до нас литературные тексты. И потому, взяв в союзники Томаса Элиота, в своей нобелевской речи утверждавшего, что оставаться только в своем времени — это своего рода новый провинциализм, «провинциализм не местоположения, а времени», и предлагавшего

3. Ямпольская А. М. Феноменология как снятие метафизики? // Логос. 2011. № 3. С. 117.

искать противоядие ему прежде всего в литературе⁴, за осмыслением *нашего положения* мы отправимся напрямиком в XIV век и обратимся к «Декамерону» Джованни Боккаччо, вероятно самому известному в европейской литературе тексту, содержащему описание эпидемии чумы. В книге Боккаччо, которая открывается знаменитой фразой *Umana cosa è l'aver compassione agli afflitti*⁵ («Человеку свойственно иметь сострадание к пострадавшим»)⁶, ставится тот самый вопрос: что есть человек? Похоже, обращение к нему — неперенный спутник исторических бедствий. Оказавшись сам свидетелем сверхфеноменального опыта встречи с чумой, Боккаччо предлагает то, в чем мы нуждаемся сейчас больше всего: первым шагом — утешение и исцеление от страха приблизившейся смерти, а затем свой алгоритм спасения. В предложенном ракурсе «Декамерон» может стать нам по-новому интересен.

Сразу оговорюсь, доказывать, что Боккаччо — великий гуманист, один из трех величайших поэтов Италии, знаток античной литературы и создатель литературного итальянского языка, а также восхищаться особенностями его «сладкого нового стиля» и описывать жанр новеллы как новшество, введенное им в литературу, я не буду. В моем сюжете это излишне: некоторые из читателей сделали бы это лучше меня, кроме того, я полагаю, что в вопросе о значении творчества Боккаччо для европейской литературы мы и без того единодушны. И если, как утверждает Боккаччо, человеческой природе свойственно сочувствовать пострадавшим, то самим пострадавшим свойственно искать утешения и освобождения от страдания. Итак, посмо-

4. Элиот Т. С. Что такое классик // Он же. Назначение поэзии. Ст. о литературе. Киев: AirLand, 1996. С. 255.

5. *Vossaccio G. Decameron*. Torino: UTET, 1956. P. 1.

6. Перевод Николая Любимова «пострадавшие» хотя и является наиболее адекватным (ср. «соболезновать удрученным» в переводе Веселовского), все же не вполне удачен, поскольку в русском языке слово «пострадавшие» имеет слишком конкретные коннотации, например дорожно-транспортные. Любопытно, что у самого Боккаччо стоит слово *affitti* (от итал. *affiggere* — мучить, поражать, причинять боль, огорчать), буквально — «аффицированные», что в общем контексте статьи протягивает дополнительную смысловую нить между книгой Боккаччо, сегодняшним опытом пандемии и привлеченной мной *ad hoc* постфеноменологической риторикой, отсылающей к аффицированному субъекту насыщенного феномена, из перспективы которого я попыталась прочесть послание «Декамерона».

трим на «Декамерон» нашим «пандемичным взглядом», то есть глазами пострадавших.

Некогда Северин Боэций, поясняя свои принципы перевода, писал: «...сам я не следую покорно замыслам другого [автора]... но, чуть свободней отклоняясь с чужого пути, ступаю не след в след»⁷. Так и мы, с непозволительной для литературоведов дерзостью, будем избирательны и свободны, обращаясь к тексту «Декамерона», и последуем за Боккаччо, но «не след в след». Имя Боэция в тексте о «Декамероне» появилось неслучайно. Именно к нему возводят особый жанр утешения словом. Свое «Утешение философией» Боэций написал в тюрьме, в ожидании смертной казни, также пребывая в ситуации, в постфеноменологическом смысле пассивной и сверхфеноменальной. Можно предположить, что Боккаччо, блестящий знаток латинской классики, был знаком и с этим сочинением Боэция. Так или иначе, «Декамерон» написан в жанре утешения, в чем нас с первых строк заверяет слово автора: как некогда в горе «веселые беседы и посильные утешения друга доставили мне столько пользы, что, по моему твердому убеждению, они одни и причиной тому, что я не умер»⁸, так теперь сам Боккаччо стремится дать утешение словом своим читателям, пострадавшим от флорентийской чумы.

«Декамерон» как интертекст

«Декамерон» содержит, вероятно, самое известное и стилистически безупречное в европейской истории описание чумы, восхитившее Петрарку. Возможно, дело в том, что *non-fiction* от Боккаччо, в согласии с присущей всей ренессансной культуре приверженностью древним авторам, погружен им в классический литературный контекст. Сочинения, с которыми состоит в активном диалоге «Декамерон», столь многочисленны и разнообразны, а сам текст, оставляющий у неискушенного читателя впечатление простоты и легкости, столь сложно композиционно выстроен, что мог бы послужить идеальной моделью для современных теорий интертекстуальности.

7. Boetii de institutione arithmetica / G. Friedlein (ed.). Lipsiae: in aedibus V. G. Teubneri, 1867. P. 4–5.

8. Боккаччо Д. Декамерон / Пер. с ит. А. Н. Веселовского. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. С. 39.

По свидетельству самого Боккаччо, «Декамерон» отчасти пародирует известный раннехристианский текст Мефодия Олимпийского «Пир десяти дев»⁹, который, в свою очередь, является христианским ответом на «Пир» Платона. Кроме того, название «Декамерон», по-гречески «Десятиднев», отсылает к известной традиции «Шестоднегов», восходящей к Книге Бытия. Подобно тому как Бог сотворил мир за шесть дней, герои книги Боккаччо в своем добровольном десятидневном уединении творят новую жизнь, *Vita Nova*, начала которой прорастут в жизненном мире ренессансной Флоренции и еще в большей мере в последующей литературе, и принесут плоды гуманизации и того и другого. Наряду с этим существует целый пласт исследовательской литературы, выявляющий евангельские мотивы в «Декамероне». Наконец, текст Боккаччо содержит множество параллелей с *opus magnum* боготворимого им Данте¹⁰, которому именно он дал название «Божественная комедия». В силу этой связи, очевидной для его современников, «Декамерон» получил название «Человеческой комедии». Это лишь малое из того, что можно сказать о *вертикальной* интертекстуальности «Декамерона»¹¹. Исследователи находят в нем отголоски восточной поэзии, мотивы из Апулея, из греческих романистов и различных средневековых латинских сборников, темы итальянского «Новеллино», французского фавль, «Рассказов о древних рыцарях», отсылки к ранним сочинениям самого Боккаччо — всего не перечислить¹².

Что касается интертекстуальности интересующего нас образа чумы в «Декамероне», то у Виктора Шкловского, ссылающегося при этом на исследования академика Владимира Шишмарёва,

9. См.: Барсов Н. И. «Пир десяти дев» Мефодия Олимпийского и «Декамерон» Боккаччо // Вестник Европы. 1893. № 10. С. 830–850.
10. Боккаччо называет Данте «господином всякого знания», а себя лишь его «малым слугой». К тому же Боккаччо — автор «Жизнеописания Данте», первой биографии поэта, а также комментариев к «Божественной комедии», составленных из лекций Боккаччо о Данте, прочитанных в 1373 году по поручению Флорентийской коммуны.
11. Юлия Кристева различает вертикальную и горизонтальную интертекстуальность: «...статус слова определяется а) горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и б) вертикально (слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов — более ранних или современных)» (Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 429).
12. Шишмарев В. Ф. Джованни Боккаччо // Дж. Боккаччо: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015. С. 441–449.

обозначена весьма витиеватая траектория его литературной премственности: «...в описании чумы сквозят воспоминания из Макробия¹³, выписывавшего Лукреция». В примечании уточняется: «пересказывавшего, в свою очередь, виденное Фукидидом»¹⁴. Иными словами, предположительно Боккаччо через Макробия, а тот, в свою очередь, через Лукреция был знаком с «Историей» Фукидида или, во всяком случае, с его знаменитым описанием чумы в осажденных Афинах (430 год до н. э.).

Личный опыт встречи с чумой, а также свидетельства флорентийцев, которых Боккаччо, как известно, тщательно опрашивал (сам Боккаччо, похоже, 1348 год провел по большей части в Неаполе, тоже затронутом чумой), оказываются вписаны им, как мы увидим дальше, в сложившийся литературный канон. Зачем? Разве недостаточно для правдивого описания рассказа от первого лица? Боккаччо видел пляски «черной смерти» своими глазами, от нее, как достоверно известно, умерли его отец и дочь, его жизнь тоже висела на волоске, на костре этой чумы сгорела Лаура Петрарки, близкого друга и наставника Боккаччо. Зачем ему понадобились описания чумы «с чужого плеча», пусть и фукидидова? Прочитанное помогло обобщить увиденное до уровня чеканных архетипических формул, которые так легко накладываются на универсальный человеческий опыт встречи со смертоносной эпидемией. Образ чумы у Боккаччо кристаллизуется до стилистического и психологического эталона, что делает его узнаваемым и, как ни парадоксально, неотразимо притягательным для любого читателя.

Фукидид, Боккаччо и фейсбук

Мне показалось интересным сравнить первое дошедшее до нас развернутое описание чумы у Фукидида с тем, что пишет Боккаччо о Флоренции 1348 года, и параллельно, возможно, с менее «насыщенными», но поразительно типологически схожими реакциями на пандемию, которыми заполнены сегодняшние новостные ленты, социальные сети и наши головы.

Боккаччо:

13. Амвросий Феодосий Макробий — позднеантичный философ-неоплатоник (V век н. э.), речь идет о его сочинении «Сатурналии».

14. Шкловский В. Б. Что случилось после чумы 1348 года? // Он же. Повести о прозе. М.: Иностранная литература, 1966. Т. 1. С. 121.

Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения сына Божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший изо всех итальянских городов, постигла смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил [а мы выдвигаем среди гипотез появления нового вируса глобальное изменение климата], или по нашим грехам посланная праведным гневом Божиим на смертных [тема, обсуждаемая сегодня даже людьми нерелигиозными], за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного количества жителей, безостановочно подвигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевно, и до запада¹⁵.

Любопытно, что чума 1348 года также продвигалась с востока на запад — не правда ли, знакомая траектория? Китай — Италия, далее везде.

Боккаччо:

Не помогали против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека... было запрещено ввозить больных, издано множество наставлений о сохранении здоровья¹⁶.

Архетипической реакцией на эпидемии такого масштаба, по-видимому, является ощущение бессилия и тщетности производимых усилий, в том числе со стороны медицины, отмеченное и Фукидидом, и Боккаччо. Фукидид пишет об этом так, словно начался блогеров фейсбука весны-лета 2020 года:

Дело в том, что врачи были бессильны: первое время они лечили, не зная характера болезни, и чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными¹⁷.

О том же сообщает Боккаччо, который, умудренный Фукидидом, начинает фрагмент о медицине осторожным «казалось»:

Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: таково ли было свойство болезни, или невежество врачующих (которых, за вычетом ученых медиков, явилось множество, мужчин и женщин, не имевших никакого понятия о медицине)...¹⁸

15. Боккаччо Д. Декамерон. С. 42.

16. Там же.

17. Фукидид. История. Кн. II, 47 (4). СПб.: Наука; Ювента, 1999. С. 104.

18. Боккаччо Д. Указ. соч. С. 43.

Несмотря на очевидный прогресс в этой области, в беспомощности укоряют и современную медицину. С начала пандемии социальные сети наводнены признаниями врачей, что они не знают, как бороться с новым вирусом, пугающими отчетами о высоком проценте заболевших и умерших из числа медицинского персонала, тотальным недоверием к предлагаемой медицинской помощи и обещанной властями вакцинации¹⁹.

И еще одно поразительное совпадение у Фукидида с нашими сегодняшними впечатлениями от происходящего:

Никакою другою из обычных болезней люди в то время не болели; если же какая болезнь и появлялась, то разрешалась она чумою... Самым же ужасным во всем этом бедствии был упадок духа... а также и то, что при уходе друг за другом люди заражались...²⁰

Упадок духа, о котором свидетельствуют Боккаччо и Фукидид, ярче всего проявляется в пренебрежении к важнейшим человекообразующим практикам, особенно к ритуалу похорон, который наряду с рождением и браком является одним из фундаментальных социальных институтов, маркирующих цивилизованность общества²¹. Боккаччо:

... вытаскивали из домов тела умерших и клали у дверей, где всякий, кто прошелся бы, особливо утром, увидел бы их без числа; затем распоряжались доставлением носилок, но были и такие, которые за недостатком в них клали тела на доски. Часто на одних и тех же носилках их было два или три, но случалось не однажды, а таких случаев можно бы насчитать множество, что на одних носилках лежали жена и муж, два или три брата, либо отец и сын и т. д. Бывало также не раз, что за двумя священниками, шествовавшими с крестом перед покойником, увяжут двое или трое носилок с их носильщиками следом за первы-

19. Данные «Барометра доверия» компании *Edelman* за первые месяцы 2020 года говорят о том, что население во всем мире не верит в правильность действий ни одного социального института во время пандемии коронавируса (2020 *Edelman Trust Barometer* // *Edelman.com*. 19.01.2020. URL: <https://www.edelman.com/trustbarometer>).

20. Фукидид. История. Кн. II, 51 (1–4). С. 105.

21. Об институте похорон (наряду с религией и браком) как о необходимом и достаточном признаке человеческой цивилизации говорил еще Джамбаттиста Вико в «Новой науке» (1725). Кратко об этом см.: Декомб В. Размышления о множественности здравых смыслов // Логос. 2011. № 1. С. 28–53.

ми, так что священникам, думавшим хоронить одного, приходилось хоронить шесть или восемь покойников, а иногда и более. При этом им не оказывали почта ни слезами, ни свечой, ни со-
путствием, наоборот, дело дошло до того, что об умерших людях думали столько же, сколько теперь об околевшей козе...²²

Фукидид:

*Все обряды, какие соблюдались раньше при погребении, были по-
праны, и каждый совершал похороны, как мог.* Многие, раньше
уже похоронившие немало своих, прибегли к *непристойным по-
хоронам* за отсутствием необходимых принадлежностей для по-
гребения: одни клали своего покойника на чужой костер и под-
жигали его прежде, чем появлялись те, которыми костер был
сложен; иные бросали принесенного покойника сверху на ко-
стер в то время, как сожигался на нем другой труп, и затем
удалялись²³.

Очевидно, что тема носилок и общих могил у Боккаччо явным образом отсылает к фукидидовским кострам, и вместе они свидетельствуют об общем нравственном упадке, который всегда сопровождает чуму²⁴.

Меры, предпринимаемые властями всего мира для защиты от пандемии сегодня, также оборачиваются разнообразными деформациями фундаментальных принципов человечности. Больницы, дома престарелых, кладбища сегодня оказались закрыты для посещения. Траур во время коронавируса потребовал от умирающих и их родственников ранее немыслимого: они не могут попрощаться друг с другом. Некому взять за руку человека, покидающего этот мир. Последний вздох часто регистрируют лишь приборы. Онлайн-трансляции с похорон²⁵, отпевание на кладбище одним священником тысяч умерших²⁶, мобильный телефон

22. Боккаччо Д. Декамерон. С. 48.

23. Фукидид. История. Кн. II, 52 (4). С. 106.

24. См. ставшее философской классикой эссе Рене Жирара «Чума в литературе и мифах», в котором исследуется взаимосвязь эпидемий и общественного кризиса: Girard R. The Plague in Literature and Myth // Idem. To Double Business Bound: Essays on Literature, Mimesis and Anthropology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.

25. См.: Микиша В. Социальная дистанция от покойного // Новая газета. 11.04.2020.

26. В конце марта 2020 года епископ Франческо Бески произнес на кладбище Бергамо, закрытом для посещения на время пандемии, молитву за более 1800 умерших в городе от последствий коронавируса, а также их род-

на груди умирающего в одиночестве, который дает родственникам возможность, избегая личного присутствия, услышать последний вздох близкого человека, прощание с умершими в закрытых гробах²⁷ — все эти рожденные пандемическими запретами новоизобретенные формы похоронного ритуала разве не аналог «непристойным похоронам» с обезличивающими общими носилками и кострами, которые ужасали Боккаччо и Фукидид? Эти вынужденные меры столь же болезненны для нас и так же подрывают самые глубинные основания человечности.

Боккаччо:

При таком удрученном и бедственном состоянии нашего города почтенный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез... почему всякому позволено было делать все, что заблагорассудится²⁸.

Фукидид: «Так как болезнь слишком свирепствовала, люди, не зная, что с ними будет, *перестали уважать и божеские, и человеческие установления*»²⁹.

Интересно, что у Фукидиды, и у Боккаччо в похожих словах отмечены усиление и религиозности, и одновременно религиозных сомнений во время мора. Боккаччо: «Не помогали и умиленные моления, не однажды повторявшиеся, устроенные благочестивыми людьми, в процессиях или другим способом»³⁰. Фукидид:

Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно; наконец, одолеваемые бедствием люди оставили и это³¹.

Людей нисколько не удерживал ни страх перед богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов или не будут³².

ственников, которые не смогли с ними проститься (*Пранге А., Жуков Е. Похороны в условиях пандемии коронавируса: прощание запрещено? // Deutsche Welle. 12.04.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/похороны-в-условиях-пандемии-коронавируса-прощание-запрещено/a-53087870>*).

27. Там же.

28. Боккаччо Д. Декамерон. С. 45.

29. Фукидид. История. Кн. II, 52 (3). С. 106.

30. Боккаччо Д. Указ. соч. С. 43.

31. Фукидид. История. Кн. II, 47 (4). С. 104.

32. Фукидид. История. Кн. II, 53 (4). С. 106.

Во время эпидемии коронавируса мы так же стали свидетелями многочисленных молений и крестных ходов во всех крупнейших церквях планеты и все-таки последовавших затем распоряжений о закрытии христианских храмов на Пасху, об отмене собраний верующих в синагогах и мечетях до тех пор, пока ситуация с *COVID-19* не улучшится, поскольку вирус поражает безотносительно к набожности человека.

Такие происшествия и многие другие, подобные им и более ужасные, порождали разные *страхи и фантазии* в тех, которые, оставшись в живых, почти все стремились к одной, жестокой цели: избегать больных и удаляться от общения с ними и их вещами; так поступая, воображали сохранить себе здоровье³³.

Не станем говорить о том, что один горожанин избегал другого, что сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг друга редко, или никогда, или виделись издали³⁴.

Вывранные из контекста, эти строки, описывающие хорошо известные нам теперь реалии, едва ли возможно атрибутировать: когда и где они написаны? В Афинах в IV века до н.э., в Италии XIV века или весной 2020 года в Ухане, Милане, Нью-Йорке или Москве? Параллелизмы в описаниях чумы Фукидида и Боккаччо и современной повестке приведенным не исчерпываются, но мне, как и Боккаччо, «тягостно так долго останавливаться на этих бедствиях»³⁵.

Сегодняшний читатель, знакомясь с этими сводками с давно отгремевших полей сражения с афинской и флорентийской чумой, едва ли избежит целой серии пронзительных *déjà vu*. Поневоле подумаешь: люди все те же. Несмотря на (не)успехи современной медицины, социальных и прочих технологий, мы похожим образом продолжаем воспринимать опыт эпидемии как насыщенный феномен. Так же предпринимаем все возможное, чтобы спасти себя и своих близких, так же не доверяем действиям властей и медицине, так же склонны видеть в появлении смертоносного вируса кару Небес или Природы, так же взываем о помощи ко всем богам и ставим вопросы теодицеи³⁶. Наши поведенческие реак-

33. Боккаччо Д. Декамерон. С. 44–45.

34. Там же.

35. Там же. С. 50.

36. Одна из самых интересных версий современной теодицеи предложена американским писателем и богословом Дэвидом Бентли Хартом также как ответ на природную катастрофу: *Hart D. B. The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?* Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2005.

ции достаточно архетипичны и легко раскладываются на группы, описанные в «Декамероне»: на тех, кто строго соблюдает карантин, и тех, кто считает любые меры предосторожности бессмысленными, тех, кто занимается волонтерством по велению сердца, и тех, кто ловит момент (*carpe diem!*) и наживает состояние на чужой беде, тех, кто, сдавшись, плывет по течению, и тех, кто пытается спасти себя и других. На экзистенциальном уровне, похоже, мы так же боимся смерти, ощущаем беспомощность и собственную уязвимость и нуждаемся в утешении и восстановлении человеческого в человеке, как нуждались в нем когда-то афиняне, флорентийцы и литературные персонажи «Декамерона».

Перформативный парадокс «Декамерона»

Однако «Декамерон» интересен не только глубинными совпадениями с нашей ситуацией. Текст Боккаччо предьявляет себя читателю как перформативное противоречие, обнаружение которого, собственно, и спровоцировало меня на написание этого текста. Казалось бы, трудно представить себе более плачевную ситуацию, нежели та, в которой Боккаччо начал работу над книгой. Как достоверно известно, это случилось в 1348 году³⁷, непосредственно во время чумы, которая унесла две трети населения Флоренции и прокатилась по всей Европе с таким размахом, что привела в смятение даже многое повидавших на своем веку летописцев, которые в полном единодушии усматривали в ней кару Божию и предрекали близкий конец света. Люди были охвачены паникой. Как мы помним, у самого Боккаччо чума унесла родных и друзей.

Но вот что поразительно: текст, написанный человеком, за которым смерть ходит по пятам, написанный о чуме, посреди чумы, изнутри чумы, в котором чума является необходимой мизансценной действия и едва ли не важнейшей пружиной всей сложенной сюжетной конструкции, — этот текст имеет репутацию одного из самых забавных, веселых и жизнеутверждающих текстов в мировой литературе. «Декамерон» композиционно также выстроен на этом противоречии: входя в текст через самое знаменитое в европейской литературе описание бедствий, которые несет с собой черная смерть, невозможно представить, что буквально через несколько страниц ты уже будешь улыбаться или даже хохотать над похождениями героев и закроешь книгу, у которой отнюдь не *happy end* (молодые люди снова возвра-

37. «Декамерон» закончен в 1351, по другим данным, в 1353 году.

щаются в чумной город), в приятном состоянии радости и уверенности в завтрашнем дне не только героев и героинь Боккаччо, но и собственном.

Как за крайнюю радость следует печаль, так бедствия кончатся с наступлением веселья, — за краткой грустью... последуют вскоре утеха и удовольствие, которые я вам наперед обещал и которых, после такого начала, никто бы и не ожидал, если бы его не предупредили³⁸.

Добавим, что «Декамерон» — самое веселое сочинение в творчестве и самого Боккаччо. Его текст работает едва ли не лучше рекомендованных Пушкиным откупоренной бутылки с шампанским или «Женитьбы Фигаро». Однако, в отличие от последних, он с самого начала заявляет себя как текст о чуме и напоминает о нашей смертности, что делает задачу Боккаччо-утешителя куда сложнее. По изящной формулировке первого русского переводчика «Декамерона» Александра Веселовского, «звонкий смех, венчающий день [«Декамерона»]³⁹, — это страстный *Memento vitae*, перчатка, брошенная *Memento mori*»⁴⁰.

Чем заняться в ожидании Людоода

Чем же можно потешить и утешить человека, который, подобно царевичу Гаутаме, отчетливо увидел, что никто не застрахован от смерти, болезни, старости и нищеты? Какие рецепты исцеления позволительно всерьез предложить человеку, всем существом ощутившему свою бытийственную подвешенность? Не будут ли слова говорящего дешевым утешением друзей Иова, «медью звенящей и кимвалом бряцающим»?⁴¹ Не будет ли честнее, как это сделал Ларс фон Триер в «Меланхолии»⁴², конста-

38. Боккаччо Д. Декамерон. С. 42.

39. Ср.: «Смех и свет здесь — метафоры рождения и роста: начало дня, восход солнца обозначает рождение и начало жизни, вечер и ночь — смерть и темноту, которые преодолеваются при помощи магического смеха — умерщвляющего, рождающего и возрождающего» (Карасев Л. В. Мифология смеха // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 68–86).

40. Веселовский А. Н. Художественные и этические задачи «Декамерона» // Дж. Боккаччо: pro et contra. С. 348.

41. 1 Кор. 13:1.

42. Пожалуй, это первый фильм, в котором конец света без всякой иронии является хэппи-эндом, см.: Гусятинский Е. Антигуманный хэппи-энд // Русский репортер. 28.06.2011. № 25 (203). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2011/25/antigumannyij-heppi-end/.

тировать, что люди — беспомощные, депрессивные, не имеющие права на надежду смертные животные, жизнь которых исполнена страданием и неотменимо заканчивается бессмысленным и беспощадным апокалипсисом, во всяком случае, личным апокалипсисом? Звонкий голос Боккаччо из зачумленной Флоренции говорит о человеке нечто куда более оптимистичное и вселяющее надежду, противопоставляя пессимизму разума оптимизм воли и веры.

Прежде чем всерьез говорить о рецептах обретения смысла и радости жизни посреди плясок смерти куда более страшной напасти, чем *COVID-19*, которые предлагает «Декамерон», позволю себе, подобно Боккаччо, выставить некую предваряющую рамку, сославшись на текст одного из моих учителей. Как-то замечательный филолог и философ Владимир Биbihин рассказывал о серии музыкальных передач, выходивших в 1945–1946 годах на советском радио⁴³. Передачи предваряла одна и та же музыкальная заставка: группа людей разного возраста, дети, старики, мужчины и женщины, убегают от преследующего их страшного Великана-Людоеда. В какой-то момент они находят себе убежище, хотя все знают, что рано или поздно он обнаружит их, догонит и сожрет. Но пока не нашел, пока у них есть некоторая отсрочка — как сказал бы Митя Карамазов, «минутка — да наша!», — они могут провести это время наилучшим образом, заняться лучшим. В заставке как нельзя лучше схвачена суть нашей общей антропологической ситуации, так наглядно высвеченная прожектором сегодняшней пандемии. Каждому из нас Людоед-Смерть дышит в спину, каждый из нас то громче, то тише слышит звуки его ужащающего дыхания, каждого он рано или поздно догонит. Но пока не настиг, пока у нас еще есть некоторая ничем не гарантированная отсрочка — дар жизни, мы можем воспользоваться им наилучшим образом. В передаче, о которой вспоминал Биbihин, слушателям предлагалось заняться искусством, а именно музыкой. Сам Владимир Вениаминович, наверное, предложил бы заняться делом мысли. Что же предлагает нам Боккаччо?

Прежде всего перестать бояться смерти, поскольку страх не остановит смерть, но останавливает жизнь. Отсюда становится понятным, почему Боккаччо часто называли Эпикуром своего времени, однако это сравнение едва ли справедливо. Знаменитый лечебник Эпикура, в котором преследуется схожая цель — изле-

43. Биbihин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 247.

чить человека от страха смерти и научить его наслаждаться жизнью, — в рецептах существенно расходится с Боккаччо. Эпикурейский призыв не страшиться смерти, потому что, когда мы есть, ее еще нет, а когда она есть, нас уже нет, никого еще не излечил, он тривиализирует и нарочито уплощает задачу. Кого страшит смерть с ее чудовищным оскалом небытия, предвещающее ее страдание и страх перед этим страданием, страх не окончить дело жизни, не выполнить нравственных обязательств, о которых знает всяк живущий, — разве того вылечит софизм Эпикура? Хотя в целом эпикурейской программе нельзя отказать в утилитарности и логичности, она опускает нечто важное в человеке — его страсть к риску и риски страсти, его достоинство, наконец, его бытие-с-другими.

Боккаччо также предлагает нам терапию против страха, но на иных основаниях. Чума Боккаччо — это одна из масок Великана Библихина. Ожидающая нас всех смерть — рамочная конструкция не только великой книги Ренессанса, но любой человеческой жизни, которая вопреки, а может быть, как раз благодаря ее хрупкости и конечности воспринимается героями Боккаччо как бесценный дар.

Всякий дар, как убедительно показала развернувшаяся в XX веке философская дискуссия о даре⁴⁴, представляет собой невозможную возможность: он не может быть феноменологически явлен как дар, но может быть воспринят как дар. Как формулирует Жак Деррида, «истина дара эквивалентна не-истине дара»⁴⁵. Невозможная возможность жизни, понятой как дар, переводит нас в область метафизики воли. Кто способен «себя и свой жребий подарком бесценным Твоим сознать»?⁴⁶ Тот, кто, преодолевая пессимизм разума⁴⁷, способен совершить парадоксальный выбор в пользу оптимизма воли, воли к надежде и, может быть, даже к вере. Таков человек, который, по словам Мариона, имеет «благодать и привилегию» оставаться неопределимым и непостижимым для самого себя, представлять самому себе как насыщенный фе-

44. См.: О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом / Пер. с англ. В. Р. Рокитянского // Логос. 2011. № 3. С. 144–171.

45. *Derrida J. Donner le temps*. P.: Galilée, 1991. Vol. 1. La fausse monnaie. P. 42.

46. *Пастернак Б. В больнице // Он же. Когда разгуляется*. Париж: Издание любителей поэзии Б. Л. Пастернака, 1959.

47. Суть этого пессимизма разума замечательно схвачена в *bon mot*, которое любил повторять Иосиф Бродский: «Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается?»

номен⁴⁸. Это в высшей степени присущее Боккаччо переживание жизни как чудесного Дара в жизненном мире «Декамерона» обнаруживает себя с разных ракурсов и под разными именами, такими как дар речи, дар творчества, дар видения красоты, дар любви.

Дар речи

Среди разнообразных утешений, которым предаются покинувшие чумную Флоренцию герои «Декамерона», особое место занимают невероятно увлекательные и не лишённые назидательности истории, которые они в специально отведенное время каждый день рассказывают друг другу. Десять дней — десять историй на каждый, в результате основное содержание «Декамерона» составляют 100 прелестных новелл, каждая из которых самодостаточна и сюжетно не связана с остальными, однако вместе они создают богатое поле для позднейших интерпретаций общего замысла произведения. И вот вам первый рецепт от Боккаччо: если вас парализует страх перед грядущим страданием или оно уже вас постигло и дух ваш пребывает в смятении, разговаривайте друг с другом! Рассказывайте увлекательные истории, заговаривайте ваши страхи, поддерживайте друг друга возвышающей способностью человеческой речи, занимайтесь, наконец, литературой. В свое время Петрарка высказывал нечто похожее: если мы хотим оставаться людьми, нужно общаться с людьми, «мы должны стараться быть полезными людям, с которыми живем; и нельзя сомневаться, что мы можем в высокой степени помочь их душам нашими словами»⁴⁹.

Иными словами, речь рассматривается Боккаччо как один из самых действенных инструментов помощи человеку страдающему. Слово утешает, ободряет и действительно помогает сохранить душевное равновесие и человеческое достоинство, а порой и жизнь среди природной и социальной аномии. Причем, по Боккаччо, это справедливо как для говорящего, так и для того, кому адресована речь.

48. См.: Марион Ж.-Л. «Я сам для себя стал великим вопрошанием» — привилегия незнания // Логос. 2011. № 1. С. 74–75.

49. Речь идет о письме августинскому монаху Дионисию да Борго Сан-Сеполькро («О делах повседневных», 1336), другу Петрарки и Боккаччо. В нем Петрарка излагает свои впечатления от «Исповеди» Августина (Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986. С. 41–43).

Примечательно, что герои «Декамерона» договариваются на время уединения *не* говорить о чуме. Отметим: не забыть, а не говорить! За этим договором стоит не малодушие или душевная глухота, в которых невозможно подозревать благородных героев Боккаччо. Вероятно, речь здесь идет скорее о психологической экологии, о том, чтобы не усугублять раны, уже нанесенные чумой, поскольку благородные души щадят друг друга, а также не гиперболизируют и не подпитывают вполне естественные в этой ситуации «*страхи и фантазмы*». Кроме того, молодые люди покидают Флоренцию, чтобы восстановиться после пережитого и для того, по словам Пампиней, зачинщицы побега, чтобы «не переходя ни одним поступком за черту благоразумия», предаться «тем развлечениям, утехе и веселью, какие можем себе доставить»⁵⁰. Страхи и уныние в этом случае плохие помощники.

Будем иметь это в виду и мы, если не хотим быть погребены, по остроумному выражению Тимоти Мортон, под «информационным навалом»⁵¹, в режиме которого СМИ обрушивают на нас новости в связи с пандемической повесткой. Сверхскоростной поток пугающих, а иногда откровенно запугивающих или фейковых новостей об ужасах, которые несет или только обещает принести новый монструозный вирус, погружает нас в состояние бессилия и фрустрации, лишая возможности адекватно оценивать и извлекать смыслы из происходящего. Из-под «информационного навала» трудно выбраться без потерь. Среди потерь могут оказаться присутствие духа, психическое здоровье или способность разумно реагировать на ситуацию. Кроме того, как заметил Клайв Льюис, «такой вещи, как сумма страданий, в мире не существует»⁵².

Боккаччо, как истинный знаток изящной словесности, понимает, что сила речи связана с ее искусностью, а та — с общей эстетической возделанностью говорящего. Рассказчики «Декамерона» не только превосходные риторы и ценители литературы, они настоящие эстеты, глаза и сердца которых открыты для созерцания

50. Боккаччо Д. Декамерон. С. 53.

51. См.: Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ad Marginem, 2019. Сам Мортон исследует фрустрирующий нас и тем самым препятствующий пониманию происходящего «режим навала» экологической информации.

52. Льюис К. С. Боль / Пер. с англ. А. Цветкова. Chicago: SGP, 1987. С. 7. Поясняя свою мысль, Льюис пишет: «Когда мы достигаем максимума страданий, которые под силу одному человеку, мы, несомненно, достигаем чего-то весьма ужасного, но мы достигаем в то же время максимума страдания, возможного во вселенной. Добавлением миллиона других страждущих мы уже не добавим боли».

окружающей их красоты. Во время продолжительных прогулок, «плетя красивейшие венки из веток разных деревьев и в то же время слушая, пожалуй, двадцать напевов птичек»⁵³, они обращают внимание друг друга то на прекрасное расположение сада с фонтаном, то на благоухание и форму цветка, то на открывшийся, как будто спланированный кем-то, вид и приходят к выводу, что, «если бы можно было устроить рай на земле, они не знают, какой бы иной образ ему дать, как не форму этого сада»⁵⁴. К тому же все они поэты и музыканты, все они танцуют и играют на музыкальных инструментах, каждый способен сочинить и пропеть изящную канцону, которыми завершается их день. Все это доставляет этим утонченным ловцам и творцам красоты особое возвышенное удовольствие. Их радость от созерцания и соучастия в божественной красоте мира не способна перечеркнуть даже чума. Как замечает один из рассказчиков, Дионео, «небо, которое хотя и гневается на нас, тем не менее не скрывает от нас своей вечной красоты»⁵⁵. Задолго до Ницше Боккаччо оправдывает мир как эстетический феномен.

Локальное сообщество

Однако «ни мы не можем постоянно быть с музами, ни они с нами», говорит Боккаччо устами короля четвертого дня. В запасе у Боккаччо есть еще один рецепт выживания и обретения смысла и радости посреди страдания, который в позднейшей литературе получил название «республики поэтов». Если бы Боккаччо говорил на языке современной социально ориентированной мысли, он, вероятно, мог бы назвать жизнь своих героев на загородной вилле «локальным сообществом». Оказавшись в относительно удалении от чумы, герои «Декамерона» немедленно восстанавливают социальную структуру, разрушенную хаосом чумы. Ежедневно один из них избирается королем, который устанавливает правила дня по своему разумению, при этом не ущемляя прав другого, поскольку герои условились, что «каждый может доставить себе удовольствие, какое ему более по нраву»⁵⁶.

Почему покидают Флоренцию герои «Декамерона»? Не уподобляются ли они тем самым флорентийцам, ведущим себя, как

53. Боккаччо Д. Декамерон. С. 215.

54. Там же.

55. Там же. С. 55.

56. Там же. С. 59.

с презрением говорит о них Боккаччо в авторском вступлении, «по-скотски»⁵⁷, то есть не желающим ничего знать о болезни и страданиях ближних? Казалось бы, ответ, очевиден: они бегут от чумы в надежде сохранить жизнь. «Естественное право каждого рожденного — поддерживать, сохранять и защищать, насколько возможно, свою жизнь»⁵⁸ — так начинает свою речь Пампинея, убеждая их оставить больной город. Однако внимательный читатель найдет в ее словах и иную мотивацию. Та же Пампинея объясняет причину задуманного побега страхом потерять присутствие духа и человеческое достоинство в буквальном смысле слова в очумевшей Флоренции:

И вот для того, чтобы, по малодушию или беспечности, нам не попасться в то, чего мы могли бы при желании избежать... я считала бы за лучшее... чтобы мы, как есть, покинули город, как то прежде нас делали и еще делают многие другие, избегая паче смерти недостойных примеров⁵⁹.

Речь Пампинея завершается — для усиления сказанного — лексическим повтором: «Нам не менее пристало удалиться отсюда с достоинством, чем многим другим оставаться здесь, недостойным образом проводя время»⁶⁰. Таким образом, беглецы преследуют цель сохранить не только жизнь, но и достоинство. Примечательно, что слово «достоинство» встречается в развеселом тексте Боккаччо 27 (!) раз.

Пико делла Мирандола, веком позже развивавший идеи круга Боккаччо, напишет знаменитую «Речь о достоинстве человека», где сформулирует центральную для всей ренессансной антропологии мысль, что достоинство человека заключено в дарованной ему Богом свободе и, следовательно, человек должен быть понят как счастливейший творец своей природы: «О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожела-

57. «Другие, увлеченные противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять по возможности всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается, — вот вернейшее лекарство против недуга... И эти люди, при их скотских стремлениях, всегда по возможности избегали больных» (Боккаччо Д. Декамерон. С. 45).

58. Там же. С. 51.

59. Там же. С. 53.

60. Там же. С. 54.

ет, и быть тем, чем хочет!»⁶¹ Свобода и ценность каждого, и отсюда достоинство каждого, взаимные сочувствие и великодушие, разумность общественных установлений и жизнотворчество — вот основания новой жизни республики «Декамерона», которыми будут вдохновляться среди прочих Сервантес, Шекспир и Рабле с его Телемской обителью.

Чем дальше мы следуем за Боккаччо, тем яснее становится, что перед нами утопия. В самом деле, герои Боккаччо все до одного — поэты, музыканты, превосходные риторы, «все разумные и родовитые, красивые, добрых нравов и сдержанно-приветливые»⁶². Эти калокагатийные дамы и кавалеры, по воле случая и Боккаччо вырванные из привычного круга забот, живут в прекрасном палаццо посреди идиллических садов весенней Тосканы. Идеальные люди, собравшиеся в идеальном месте, которые образуют новое общество гуманистически образованных людей, юное поколение грядущей культурной весны, именуемой эпохой Возрождения⁶³.

Утопичность описанного в «Декамероне» сообщества очевидна и самому автору. Она намеренно подчеркивается содержащими в тексте прямыми и косвенными аллюзиями на эдемский сад:

...сад представился им наполненным красивыми животными, может быть сотни пород, и они стали показывать на них друг другу: тут выходили кролики, там бежали зайцы, где лежали дикие козы, где паслись молодые олени⁶⁴.

Такое описание в европейской культуре произвольно требует продолжения «и лев возляжет рядом с ланью»⁶⁵, подобно тому

61. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест, 2001. С. 266.

62. Боккаччо Д. Декамерон. С. 50.

63. Один из наиболее проницательных исследователей Боккаччо, Руф Хлодовский, в свое время высказал догадку, что лавровый венок, которым венчают на царство каждого короля в «Декамероне», вероятно, отсылка к получившему общеевропейский резонанс событию, случившемуся в Риме за два года до флорентийской чумы. Петрарка торжественно вошел в Капитолий в королевской мантии, которую специально для этого случая подарил ему король Роберт Анжуйский, тем самым утверждая королевское достоинство и власть поэта: «Впервые в истории Европы поэту было сказано: „Ты царь...“» (Хлодовский Р.И. «Декамерон»: великая книга о большой любви // Дж. Боккаччо: pro et contra. С. 457).

64. Боккаччо Д. Указ. соч. С. 45.

65. «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя

как музыкальная гармония требует разрешения седьмой ступени в тонику. Так и гармония места, времени и жизни, реализованная в «Декамероне» на фоне чумы, символически означающей болезненный распад старого мира, ищет своего разрешения в появлении нового человека, этого нового Адама, который будет способен творить новый социальный мир.

Утопия Боккаччо напоминает нам о том, что мы потеряли, — о вере в человека и в возможность его улучшения. Не случайно тема перевоспитания является одним из ключевых мотивов цикла новелл (I, 5; I, 7; I, 8 и 9; и т. д.) и второй рамочной конструкции, посвященной новой жизни самих рассказчиков. Улучшение человека и общества — не для того ли и создается литературная утопия? Поразительно, но похожие мысли о назначении литературы можно найти у столь далекого от Боккаччо мыслителя, как Жиль Делёз. В одном из своих последних эссе «Литература и жизнь» он приписывает писателю в буквальном смысле терапевтическую задачу, говоря об исцелении общества через «изобретение некоего народа»: «Предельная цель литературы — это созидание некоего здоровья⁶⁶ или изобретение некоего народа, то есть какой-то возможности жизни»⁶⁷. Надо сказать, что задача, поставленная перед писателем Делёзом, как нельзя более подходит к задачам утопии «Декамерона».

Кто мешает и нам в вынужденной самоизоляции, вдохновившись «изобретенным народом» Боккаччо, создать собственное локальное сообщество и установить в нем правила новой жизни, основанной на разумности, взаимном уважении к свободе его членов и взаимопомощи? Каждый из нас в одиночку не в силах изменить историю человечества, повлиять на климат, экологическую ситуацию и прочие *гиперобъекты*, равно как на статистику смертей или на сценарии возможного будущего для человечества после пандемии. Но мы можем попробовать создать ло-

будет водить их» (Ис. 11:6). Одни толкователи относили исполнение этого пророчества к будущему веку, когда будет новое небо и новая земля, где обитает правда (2Пет. 3:12), другие допускали частичное исполнение этого пророчества уже в настоящей, временной жизни. См.: Толковая Библия Лопухина // Библия онлайн. URL: <https://bible.by/lopuhin-bible/23/11>.

66. В комментариях к этому фрагменту Делёз приводит еще более радикальную цитату из Жана-Мари Леклезьо: «Однажды люди, возможно, поймут, что не было никакого искусства, а была сплошная медицина» (Делёз Ж. Литература и жизнь // Он же. Критика и клиника. СПб.: Machina Axioma, 2002. С. 14; *Le Clezio J.-M. G. Naï*. Genève: Skira, Les Sentiers de la création, 1971. P. 7).

67. Делёз Ж. Указ. соч. С. 16.

кальное сообщество — можно начать со своей семьи, — в котором откроются новые возможности жизни. Кто знает, может быть, новые сценарии жизни именно вашего сообщества станут закваской, которая сможет приподнять все общественное тесто. И это второй рецепт выживания и обретения смысла и радости жизни от Боккаччо.

Выживут только любовники

В конечном счете книга, с первой строки заявленная как труд о человеческой природе, оказывается книгой о любви⁶⁸. Этот тезис, с которым согласились бы далеко не все исследователи «Декамерона»⁶⁹, на мой взгляд, имеет прочное обоснование в самом тексте: тема любви неслучайным образом присутствует на всех трех уровнях повествования. Первая обрамляющая конструкция «Декамерона» открывается воспоминаниями о несчастной любви самого автора, о любовных страданиях здесь говорится прежде, чем о страданиях от реальной чумы. Вторая рамочная конструкция, связанная с обществом рассказчиков, также содержит любовные мотивы: во вступлении первого дня Боккаччо дает понять, что среди беглецов есть три влюбленные пары, значит, как минимум шестеро из десяти влюблены. И даже говорящие имена персонажей «Декамерона», данные, по словам автора, «не без причины», удерживают нас в пространстве любви: Нейфиле по-гречески означает «новая для любви»; имя Филомена также указывает на любовь, правда, на любовь к пению («любящая пение»); имя Лауретты отсылает к легендарной возлюбленной Петрарки, а имя Элиссы — к Вергилию, поскольку таким было второе имя его Дидоны. И наконец, Фьямметта («огонек»), сквозной персонаж творчества Боккаччо, прототипом которой является возлюбленная автора⁷⁰. Мужские имена, все без исключения, выполняют ту же функцию: Панфило (греч. «весь любовь; полностью влюбленный»), Филострато (греч. «раздавленный любовью»), Дионео (итал. «преданный Венере»). Что касается третьего уровня «Декамерона», самих новелл, то большая их часть, включая заверша-

68. См.: Хлодовский Р.И. «Декамерон»: великая книга о большой любви. С. 450–466.

69. Исследователи обычно трактуют «Декамерон» как литературный шедевр, как программу итальянского гуманизма, как антиклерикальный памфлет, как итальянский парнограф и т. д.

70. Мария д'Аквино, внебрачная дочь Роберта Анжуйского, главная муза Боккаччо.

ющие канцоны каждого дня, также представляют собой разнообразные любовные нарративы.

Сегодня вряд ли кто будет оспаривать тезис о том, что в «Декамероне» происходит переоткрытие и легитимация эротической любви, что, в свою очередь, явилось реакцией на средневековый религиозный аскетизм. Часто рассказчиками многочисленных новелл порицается не то, что некто предался утехам чувственной любви, и даже не то, что при этом могли оказаться нарушенными монашеские (I, 4; III, 1; III, 10; IV, 9; и т. д.), брачные и иные обеты (III, 10, и т. д.), а, скорее, вынужденный отказ от них (III, 7, и т. д.). Гимн Эроту звучит во многих новеллах «Декамерона», и, в порядке разрушения до сих пор бытующих ханжеских стереотипов относительно этой книги, стоит заметить, что Эрот изъясняется у Боккаччо на стилистически безупречном и невероятно забавном языке эвфемизмов.

Однако свести все любовные нарративы «Декамерона» только к воспеванию эротической любви было бы наивным упрощением. Не забудем, что сами рассказчики этих, по словам Дионео, «веселых и, может быть, увлекавших к вожделению»⁷¹ новелл ведут себя «прилично и честно» и, судя по всему, во время описываемых событий воздерживаются от секса. Сверхзадачей Боккаччо, пытающегося соединить античное и христианское понимание любви и, не без влияния поэзии трубадуров, воспевающего возвышающую силу любви, является создание нового синтеза «любви земной» и «любви небесной». В этом синтезе знакомая всем «любовь земная» понимается как транзит к чему-то высшему, как мощный природный импульс, который переводит человека в иной регистр бытия и способствует его самопревосхождению. Относительно того, что такое «любовь небесная» и к чему трансцендирует человек, захваченный «любовью земной», у Боккаччо можно найти две не исключающие друг друга интерпретации.

В первой любви трактуется как мощная культурно и нравственно возвышающая сила, трансцендирующая влюбленного над собственным природным состоянием. Наиболее последовательно эта мысль проведена в новелле о Чимоне (V, 1), которая считается бесспорным шедевром «Декамерона». Персонаж новеллы, Галезо, которого стыдился даже его родной отец, поскольку «невозможно было вбить ему в голову ни азбуки, ни нравов», отличающийся «манерами, более приличными скоту, чем челове-

71. Боккаччо Д. Декамерон. С. 774.

ку»⁷², за что его и прозвали Чимоне (скотина), полюбив, превращается из полуживотного в благовоспитанного и благородного человека. Аранжировку этой идеи очеловечения человека силой любви можно найти во многих новеллах последнего, X дня (особенно показательна известная новелла о соколе (V, 5). Шлегель вообще считал идею «облагораживания юной человеческой природы посредством любви» (*Veredelung der rohen m nnlichen Jugendkraft durch die Liebe*)⁷³ главной для замысла «Декамерона».

Вторую интерпретацию любви, которую имплицитно поддерживает текст Боккаччо, можно назвать онтологической. Чувственная «земная» любовь здесь трактуется как возможный транзит к «небесной» любви, о чем еще недавно, в высокой средневековой культуре, было невозможно и помыслить. Поскольку чисто платонической любви у Боккаччо не предполагается, эротическая любовь, открывающая совершенство возлюбленного, является необходимым стартовым условием познания совершенства мира и перехода к более возвышенным формам любви, включая *Amor Dei*⁷⁴. В этом смысле наиболее показательны канцоны, которыми завершается каждый день «Декамерона» и которые вместе составляют еще одну — четвертую — рамочную конструкцию текста. Их мотивный анализ показывает, что главным мотивом, который, по принципу готической вертикали, усиливается от канцоны к канцоне, оказывается именно тема восхождения от «любви земной» к «любви небесной»⁷⁵. Таким образом, любовь в канцонах «Декамерона» служит посредником между человеком и Богом.

72. Боккаччо Д. Декамерон. С. 397.

73. Корелин М. С. Литературные произведения Боккаччо // Дж. Боккаччо: pro et contra. С. 132.

74. Вселенная Боккаччо, вопреки идеологически ангажированным оценкам советского литературоведения, назначившего его на роль главного антиклерикала и безбожника классической литературы, имеет вполне очевидные религиозные основания, что ясно показывает текстологический анализ «Декамерона». Так, завязка сюжета начинается в церкви, и в нее же герои возвращаются в конце повествования, герои регулярно молятся, начинают речи с призывания имени Божьего и т. д. Но это тема отдельного исследования.

75. Анализ контекстов канцон показывает, что любовь «небесная» все еще стоит выше в иерархии мира Боккаччо, чем любовь «земная»: сюжет большинства канцон начинается с обращения к Амуру и описанием обстоятельств любви земной, а увенчивается мольбами к Богу о спасении души и тела, о разрешении любовного конфликта или о желанном соединении с возлюбленным и Богом в раю.

Подобный мотив, имеющий основания в неоплатонической и христианской мистике, разрабатывается в творчестве многих мыслителей Ренессанса, в западноевропейской пантеистически окрашенной религиозной мысли и в русской философии всеединства⁷⁶. Веком раньше в таком же смысле о любви говорит Бонавентура: «мы поднимаемся благодаря поднимающей нас силе» и «круг зеркала воспринимаемого чувствами мира позволяет созерцать Бога не только через (*per*) сами творения, но и в (*in*) них самих, в каковых Он пребывает Своей сущностью, могуществом и присутствием»⁷⁷. Веком позже Николай Кузанский переведет эту интуицию любви на язык философии и будет трактовать диалектику любви в соответствии с принципом *coincidentia oppositorum*: красота любимого содержит бесконечные основания для восхождения влюбленного к любви небесной⁷⁸. У самого Боккаччо в сонете, посвященном его возлюбленной, есть фраза, которая с точностью, присущей только поэтам, раскрывает этот онтологический аспект любви: «Когда Фьямметта смеется, Небо кажется отверстым и мир улыбается»⁷⁹.

Рецепты обретения смысла и радости среди страдания, нужно признать, не новы и восходят к платоническо-христианской традиции с ее метафорой бытия как Сада: осознай свою смертность как универсальную антропологическую ситуацию и свою жизнь как дар. В дарованное тебе время жизни займись лучшим: пусть каждый на свой лад свободно возделывает Сад бытия, справляясь с волчцами и тернием в себе и вокруг, культивируя разумное и прекрасное. Очевидно, само по себе это не отменяет страха и не гарантирует радость. Смысл и радость на этом требующем усилий и мужества быть пути возникают только при одном условии — при условии любви. Если садовник полюбит свой сад, то наградой ему будут не столько сладостные плоды — плодов можно и не дожидаться, — сколько осмысленность его жизни,

76. См., напр., «Смысл любви» Владимира Соловьева или *Noctes Petropolitanae* Льва Карсавина.

77. *Бонавентура*. Путеводитель души к Богу. М.: Греко-латинский кабинет, 1993. С. 68–69.

78. Эта тема подробно разворачивается им в трактате «О видении Бога»: «Во всех лицах есть красота, но они не суть сама красота, твое же лицо, Господи, прекрасно, и это свойство есть вместе и само его бытие: оно — сама абсолютная красота, форма, дающая бытие всякой прекрасной форме...» (*Николай Кузанский*. О видении Бога / Пер. В. В. Бибихина // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 2. С. 33–93).

79. Сонет LXXXIX. Цит. по: *Веселовский А. Н.* Любовь к Фьямметте // Дж. Боккаччо: *pro et contra*. С. 160.

радость соучастия и благодарение за дарованный удел, в пределе преодолевающие страх, включая страх смерти. Если ты еще страшишься, ты не любишь. «Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершенен в любви» (1Ин 4:18). Эта стратегия оказывается в пространстве «Декамерона» столь действенна, что через девять дней такой жизни о людях, только что переживших террор чумы, говорится: «Их и смерть не возьмет, а если они и умрут, то благословляя жизнь»⁸⁰.

Антропология пира

В конечном счете республика «Декамерона» — это *пир во время чумы*. Сказав так, мы немедленно, благодаря семантическому шлейфу русского языка, попадаем в пространство пушкинского перцепта. И совершаем ошибку, как часто случается с теми, кто мыслит только посредством языка. При сходстве антуража пушкинский пир во время чумы и пир Боккаччо разительно отличаются по *тону*⁸¹, поэтому здесь мы имеем дело с разными концептами. Пушкинский председатель пира Вальсингам пирует, «презирая законы божественные и человеческие», от отчаяния: чума унесла его жену, и он не имеет надежды на встречу. Герои «Декамерона», напротив, едва покинув большую Флоренцию, немедленно заново учреждают социальную структуру, восстанавливая погрязшие чумой законы; они пируют, имея сочувствие к пострадавшим и надежду на возможность новой лучшей жизни.

И здесь мы переходим к кульминации: книга, которая открывается фразой «человеку свойственно...», не только ставит вопрос о том, что такое человек, но и отвечает на него: антропология «Декамерона» — это антропология человека пирующего. Метафора пира является синтезирующей и завершающей для вселенной Боккаччо, его метатемой, как, пожалуй, и для всей культуры Ренессанса. В ней сходятся все его основные мотивы: наслаждение жизнью, возвышенной речью, рукотворной и нерукотвор-

80. Боккаччо Д. Декамерон. С. 637.

81. «Создание нового концепта происходит в определенном *Stimmung*'е, определенной настроенности, тональности или оттенке» (Ханова П. А. Спектр философии: Деррида и Делез о тоне // *Praxema*. 2020. № 2. URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2020&issue=2&article_id=7764). Об особом тоне, настроении, в котором создается каждый философский концепт, см. также: *Klossowski P. Nietzsche et le cercle vicieux*. P.: Mercure de France, 1969.

ной красотой, ценность разумности и сострадания, поверх всех человеческих разделений — любовь «земная» и «небесная», античность и христианство. Не случайно среди литературных прообразов «Декамерона» числятся и античный «Пир» Платона, и христианский «Пир» Мефодия. В платоническо-христианской традиции пир всегда воспринимался как одно из немногих доступных на земле, «если не бесспорно райских, то спасительных и спасающих занятий»⁸². К тому же невозможно пировать в одиночку, пир предполагает дружественную совместность. И чума, которая так рельефно высвечивает факт нашей смертности, в этой перспективе ничего не меняет.

Да, все пиры кончаются. Но это не повод обесценивать радость пира и не благодарить за приглашение, особенно если вы так же благородны и умеете ценить красоту мира и человечность, как флорентийцы Боккаччо. Все пиры кончаются, но мы уже в числе званых и пирующих. И пока не погасли свечи, пока Людоед не догнал, будем же вместе с Боккаччо радоваться щедрости пиршественной трапезы, красоте чертогов, дружеским беседам и улыбке своей Фьямметты, открывающей Небо.

Крошечное ненаучное послесловие: жизнь ой, но да⁸³

Современному читателю, живущему после оргии «подозрения», трудно с ренессансной легкостью последовать за верой и надеждой Боккаччо. Мы больше не верим в человека и его особое призвание, не верим в его разум, свободную волю и бескорыстное желание истины, добра и красоты. «Мене текел фарес»: человек взвешен на марксистских, ницшеанских и фрейдистских весах и найден ничтожным. После всех провозглашенных философиями смертей субъекта и последующего появления объект-ориентированных онтологий человеку остается только стыдиться своего бывшего величия и как-то доживать свой жалкий постмортальный век в нечеловеческом мире. Для человека наступило время дожития.

82. Пир — это лучший образ счастья. Образы трапезы в богословии и культуре / Под ред. С. Панич, И. Языковой. М.: ББИ, 2016. С. 1.

83. Заголовок, отсылающий к «Заключительному ненаучному послесловию к „Философским крохам“» философа страсти и рыцаря веры Серена Кьеркегора, а также к концепту романа Виктора Пелевина *iPhuck 10*, призван подчеркнуть, что я осознанно отстраиваюсь от «нейтрального тона» в философии и присоединяюсь к их вере и страсти.

Современные поля имманенции, вспаханные титанами «подозрения», понуждают нас мыслить Вселенную если не враждебной, то абсолютно безразличной по отношению к человеку, такому же контингентному, как и она сама. Важнейшее для нас из искусств, современный кинематограф, связанный с дискурсами подозрения прежде всего стилистически, уже не одно десятилетие транслирует позицию отчаянно бодрящегося цинизма *à la* Вуди Аллен или более благородного, но не менее отчаявшегося, депрессивного стоицизма в духе Ларса фон Триера. На этих полях может вырасти все что угодно, только не радость жизни. Стоит ли удивляться, что культура, которая полстолетия уверяла нас, что «Сизифа следует представлять счастливым»⁸⁴, создает в лучшем случае трагическое искусство. Современное нам *современное искусство* не способно предложить и этого: культуру трагедии сменяет культура ужаса⁸⁵. Есть внутренняя логика в том, что сегодняшний расцвет дезавуирующих человека «темных онтологий», рассматривающих жизнь как несчастный случай или катастрофу, сопровождается триумфом хоррора в современной литературе и кинематографе⁸⁶. Культура же, к которой принадлежит Боккаччо, за которой стоит платоническо-христианская «онтология света» с ее верой в трансцендентное, человека, любовь, прощение и воскресение, понимая и принимая реальность догоняющего нас Великана, тем не менее говорит жизни «да», и ее литература по-прежнему рождает состояния радости и надежды, которых так остро не хватает нам сегодня. В этом смысле то, как мы будем реагировать на пандемии, стихийные бедствия, обвалы экономики, тоталитарные режимы и в целом на катастрофу под названием «жизнь», напрямую зависит от перспективы нашего взгляда.

Вот почему так интересен сегодня опыт Боккаччо, гения, принадлежащего культуре доверия и радостного приятия мира и человека. Между доверяющим и недоверяющим, надеющимся

84. Главный тезис эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе», который, как показывает мой опыт преподавания, все еще не может переварить и принять подавляющая часть сегодняшних университетских студентов.

85. См., напр.: *Северцев В. В.* От трагедии к ужасу: аксиологический поворот культуры // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки.* 2018. № 3.

86. См. в том числе: *Harman G.* *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy.* Winchester: Zero Books, 2012; *Вудард Б.* Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь: Hyle Press, 2016; *Woodard B.* *Mad Speculation and Absolute Inhumanism: Lovecraft, Ligotti, and the Weirding of Philosophy* // *Continent.* 2011. Vol. 1. № 1. P. 3–13.

и безнадежным нет разногласия по поводу фактической стороны дела, их бесконечно далекие друг от друга миры разделяет интерпретация фактов. Пандемия еще раз продемонстрировала конечность человека и сверхфеноменальную данность его бытийственных ограничений. Однако интерпретация этой фактичности по-прежнему зависит от перспективы взгляда, от конституирующих формы нашего опыта глубинных предрассудочных установок и концептуальных каркасов, а те в известной мере культурно детерминированы. Другими словами, культурные коды во многом отвечают за то, как, то есть в каком из возможных феноменальных миров, будет прожита наша жизнь.

А теперь, положая руку на сердце, спросите себя: в каком мире хотелось бы жить вам? В жизнеутверждающей республике поэтов Боккаччо или в исполненных смертного отчаяния мирах гениев нашего времени Ларса фон Триера или Белы Тарра?⁸⁷ Ответ, как кажется, очевиден, но немислим из нашей перспективы. Голос Боккаччо подает нам утешение и надежду, он желанен для нас как свидетельство нехватки желаемого, но невозможен, точнее, в нашей культуре мы не способны его воспроизвести. Голоса же «подозрения», звучащие для современного слуха столь убедительно, лишают надежды и тем самым убивают нас: «мир не станет лучше после чумы»⁸⁸. «Было бы наивным полагать, что после пандемии человечество изменится к лучшему». «Все, что мы можем, — это в предсмертном жесте протянуть руку тому, кто рядом с тобой так же безнадежен, так же боится и так же умрет»⁸⁹. «Жизнь на земле — это зло, людей не надо спасать, и никто не спасется»⁹⁰.

87. Речь идет о фильмах венгерского режиссера Белы Тарра, таких как «Проклятие» (1988), «Сатанинское танго» (1994), «Туринская лошадь» (2011). В последнем до предела отрабатывается сценарий мира после «смерти Бога». В одном из интервью Тарр дал следующий ключ к своему творчеству: в молодости он полагал, что *shit is social*, затем — что *shit is ontological*, и, наконец, пришел к выводу, что *shit is cosmical* (Куртов М. Бела Тарр: от соцреализма к «теологии смерти Бога» // Сеанс. 28.06.2011. URL: <https://seance.ru/articles/bela-tarr>).

88. Тезис Камю, проведенный им в романе «Чума».

89. См. статью Зинаиды Сокулер «Итак, хвала тебе чума?», опубликованную в настоящем номере «Логоса» и основанную на докладе из цикла лекций «Философия хрупкого мира» на философском факультете МГУ, который символично завершался последними кадрами из фильма «Меланхолия» Ларса фон Триера (Философия хрупкого мира: „Итак, хвала тебе, чума?“ // Youtube. URL: <https://youtu.be/unmpe7LHCFg>).

90. Фраза Джастин, главной героини фильма Ларса фон Триера «Меланхолия».

Этот мучительный диссонанс голосов, звучащий в наших головах, — не свидетельствует ли он о безумии современности и о том, что настало время появиться новому полю имманенции, на котором произрастут куда менее убийственные для человека концепты? Не это ли имел в виду Делёз, полагая в качестве предельной задачи писателя «выявить в бреде это созидание некоего здоровья»⁹¹, какую-то новую «возможность жизни»? И может быть, мы еще услышим новый дерзкий голос, который, так же, как это сделал для своей эпохи Боккаччо, осуществит «переход жизни в язык, который учреждает Идеи»⁹², и исполнит Оду к Радости и для нашего времени. От этого зависит, будет ли будущее человеческим или нечеловеческим.

Библиография

- Барсов Н. И. «Пир десяти дев» Мефодия Олимпийского и «Декамерон» Боккаччо // Вестник Европы. 1893. № 10. С. 830–850.
- Бибихин В. В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Боккаччо Д. Декамерон. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017.
- Бонавентура. Путеводитель души к Богу. М.: Греко-латинский кабинет, 1993.
- Веселовский А. Н. Любовь к Фьямметте // Дж. Боккаччо: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015.
- Веселовский А. Н. Художественные и этические задачи «Декамерона» // Дж. Боккаччо: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015.
- Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь: Гиле Пресс, 2016.
- Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986.
- Гусятинский Е. Антигуманный хэппи-энд // Русский репортер. 28.06.2011. № 25 (203). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2011/25/antigumannyyj-heppi-end/.
- Декомб В. Размышления о множественности здравых смыслов // Логос. 2011. № 1. С. 28–53.
- Делёз Ж. Литература и жизнь // Он же. Критика и клиника. СПб.: Machina Axioma, 2002.
- Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос. 2011. № 3. С. 144–171.
- Карасев Л. В. Мифология смеха // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 68–86.
- Корелин М. С. Литературные произведения Боккаччо // Дж. Боккаччо: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015.
- Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.

91. Делёз Ж. Литература и жизнь. С. 14.

92. Там же.

- Куртов М. Бела Тарр: от соцреализма к «теологии смерти Бога» // Сеанс. 28.06.2011. URL: <http://seance.ru/articles/bela-tarr>.
- Льюис К. С. Боль. Chicago: SGP, 1987.
- Марион Ж.-Л. «Я сам для себя стал великим вопрошанием» — привилегия незнания // Логос. 2011. № 1. С. 54–75.
- Микиша В. Социальная дистанция от покойного // Новая газета. 11.04.2020.
- Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ad Marginem, 2019.
- Николай Кузанский. О видении Бога // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 2. С. 33–93.
- Пастернак Б. В больнице // Он же. Когда разгуляется. Париж: Издание любителей поэзии Б.Л. Пастернака, 1959.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Антология мировой философии: Возрождение. Минск: Харвест, 2001.
- Пир — это лучший образ счастья. Образы трапезы в богословии и культуре / Под ред. С. Панич, И. Языковой. М.: ББИ, 2016.
- Пранге А., Жуков Е. Похороны в условиях пандемии коронавируса: прощание запрещено? // Deutsche Welle. 12.04.2020. URL: <http://dw.com/ru/похороны-в-условиях-пандемии-коронавируса-прощание-запрещено/a-53087870>.
- Сасскинд Д. Как изменится мир после COVID-19? // Финансы и развитие. Июнь 2020.
- Северцев В. В. От трагедии к ужасу: аксиологический поворот культуры // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 91–99.
- Толковая Библия Лопухина // Библия онлайн. URL: <http://bible.by/lopuhin-bible/23/11>.
- Философия хрупкого мира: „Итак, хвала тебе, чума?“ // Youtube. URL: <http://youtu.be/unmpe7LHCFg>.
- Фукидид. История. СПб.: Наука; Ювента, 1999. Кн. II.
- Ханова П. А. Спектр философии: Деррида и Делез о тоне // Praxema. 2020. № 2. URL: http://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2020&issue=2&article_id=7764.
- Хлодовский Р. И. «Декамерон»: великая книга о большой любви // Дж. Боккаччо: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015.
- Шишмарев В. Ф. Джованни Боккаччо // Дж. Боккаччо: pro et contra. Антология. СПб.: РХГА, 2015. С. 441–449.
- Шкловский В. Б. Что случилось после чумы 1348 года? // Он же. Повести о прозе. М.: Иностранная литература, 1966. Т. 1.
- Элиот Т. С. Что такое классик // Он же. Назначение поэзии. Ст. о литературе. Киев: AirLand, 1996.
- Ямпольская А. М. Феноменология как снятие метафизики? // Логос. 2011. № 3. С. 107–123.
- 2020 Edelman Trust Barometer // Edelman.com. 19.01.2020. URL: <http://edelman.com/trustbarometer>.
- Voccaccio G. Decameron. Torino: UTET, 1956.
- Boetii de institutione arithmetica / G. Friedlein (ed.). Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1867.
- Derrida J. Donner le temps. P.: Galilée, 1991. Vol. 1. La fausse monnaie.
- Girard R. The Plague in Literature and Myth // Idem. To Double Business Bound: Essays on Literature, Mimesis and Anthropology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988.

- Harman G. *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*. Winchester: Zero Books, 2012.
- Hart D.B. *The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?* Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2005.
- Klossowski P. *Nietzsche et le cercle vicieux*. P.: Mercure de France, 1969.
- Le Clezio J.-M. G. *Haï*. Genève: Skira, Les Sentiers de la création, 1971.
- Marion J.-L. *Étant donné. Essai d'une phénoménologie de la donation*. P.: PUF, 1998.
- Woodard B. *Mad Speculation and Absolute Inhumanism: Lovecraft, Ligotti, and the Weirding of Philosophy*// *Continent*. 2011. Vol. 1. № 1. P. 3–13.

SVETLANA POLYAKOVA. Associate Professor, Faculty of Philosophy,
svetpolyakova@gmail.com.

Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovsky Ave., Bldg 4, 119991
Moscow, Russia.

Keywords: Giovanni Boccaccio; *Decameron*; pandemic; COVID-19; saturated phenomenon; optimism of will; fear of death; gift; anthropology of the feast.

This article in the genre of the consolation of philosophy deals with the COVID-19 pandemic as a new superphenomenal experience marked by an extremely intense experience of one's vulnerability and finiteness as well as by problematization of our previous ideas of a human being. The author offers a way to understand our situation and find solace by starting with the performative paradox of Giovanni Boccaccio's *Decameron*, which contains one of the most famous descriptions of the plague and remains one of the most cheerful and life-enhancing texts in European literature. The article shows that, contrary to the common belief, the consolation offered in the *The Decameron* is not reduced merely to telling stories that entertain and distract us from tales of grief. Nor is it reduced to the invention of social practices for building a new and more perfect society, although all this, as the author shows, is undoubtedly there in the text and has a beneficial effect.

The *Decameron's* consolation ultimately consists of the assumption that man himself has metaphysical depths in his incomprehensible (although it is fully embodied in the *Decameron*) and impossible potential for lovingly accepting the reality of the world as a blessed Gift, to think of eventfulness itself as a gift. The article argues that the anthropology on which Boccaccio's utopia is based is that of the feast or symposium understood in the spirit of the Platonic-Christian tradition. The author hopes that Boccaccio's anthropological optics, designed to overcome the pessimism of reason and affirm the optimism of will and faith, can help the reader find meaning and joy in the midst of the suffering and death which are the irrevocable framework of life. This consolation can be heard in the cheerful voice of Boccaccio, which comes to us from faraway plague-ridden Florence and offers us his prescription for healing the "wounds of being."

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-2-143-175

References

- 2020 Edelman Trust Barometer. *Edelman.com*, January 19, 2020. Available at: <http://edelman.com/trustbarometer>.
- Barsov N. I. "Pir desiati dev" Mefodiia Olimpiiskogo i "Dekameron" Bokkachio [Methodius of Olympus' "Banquet of the Ten Virgins" and Boccaccio's "Decameron"]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1893, no. 10, pp. 830–850.
- Bibikhin V. V. *Iazyk filosofii* [The Language of Philosophy], Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002.
- Boccaccio G. *Decameron*, Torino, UTET, 1956.
- Boccaccio G. *Dekameron* [Decameron], Saint Petersburg, Azbuka-Attikus, 2017.
- Boetii de institutione arithmetica* (ed. G. Friedlein), Lipsiae, in aedibus B. G. Teubneri, 1867.
- Deleuze G. *Literatura i zhizn'* [La littérature et la vie]. *Kritika i klinika* [Critique et clinique], Saint Petersburg, Machina Axioma, 2002.

- Derrida J. *Donner le temps*, Paris, Galilée, 1991, vol. 1: La fausse monnaie.
- Descombes V. Razmyshleniia o mnozhestvennosti zdavykh smyslov [Reflections on Plurality of Common Senses]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2011, no. 1, pp. 28–53.
- Diskussiiia mezhdzhu Zhakom Derrida i Zhan-Liukom Marionom [Discussion Between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2011, no. 3, pp. 144–171.
- Eliot T. S. Chto takoe klassik [What Is Classic]. *Naznachenie poezii. Stat'i o literature* [The Task of Poetry. Essays on Literature], Kyiv, AirLand, 1996.
- Filosofia khropkogo mira: „Itak, khvala tebe, chuma?“ [Philosophy of Fragile World: “And So, o Plague, We Hail Thy Reign?"]. *Youtube*. Available at: <http://youtu.be/unmpe7LHCFg>.
- Garen E. *Problemy ital'ianskogo Vozrozhdeniia* [Problems of Italian Renaissance], Moscow, Progress, 1986.
- Girard R. The Plague in Literature and Myth. *To Double Business Bound: Essays on Literature, Mimesis and Anthropology*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1988.
- Gusiatinskii E. Antigumannyi kheppi-end [Inhumane Happy Ending]. *Russkii reporter* [Russian Reporter], June 28, 2011, no. 25 (203). Available at: http://expert.ru/russian_reporter/2011/25/antigumannyij-heppi-end/.
- Harman G. *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*, Winchester, Zero Books, 2012.
- Hart D. B. *The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?*, Grand Rapids, MI, Eerdmans, 2005.
- Karasev L. V. Mifologiiia smekha [Mythology of Laughter]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 7, pp. 68–86.
- Khanova P. A. Spektr filosofii: Derrida i Delez o tone [Specter of Philosophy: Derrida and Deleuze on Tone]. *Praxema*, 2020, no. 2. Available at: http://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2020&issue=2&article_id=7764.
- Khlodovskii R. I. “Dekameron”: velikaia kniga o bol'shoi liubvi [“Decameron”: Great Book About Great Love]. *Dzh. Bokkachcho: pro et contra. Antologiiia* [G. Boccaccio: pro et contra. Anthology], Saint Petersburg, RKhGA, 2015.
- Klossowski P. *Nietzsche et le cercle vicieux*, Paris, Mercure de France, 1969.
- Korelin M. S. Literaturnye proizvedeniia Bokkachcho [Literary Works of Boccaccio]. *Dzh. Bokkachcho: pro et contra. Antologiiia* [G. Boccaccio: pro et contra. Anthology], Saint Petersburg, RKhGA, 2015.
- Kristeva J. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and the Novel]. *Frantsuzskaia semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism], Moscow, Progress, 2000.
- Kurtov M. Bela Tarr: ot sotsrealizma k “teologii smerti Boga” [Béla Tarr: From Social Realism to the “Death of God Theology”]. *Seans* [Seance], June 28, 2011. Available at: <http://seance.ru/articles/bela-tarr>.
- Le Clezio J.-M. G. *Haï*, Genève, Skira, Les Sentiers de la création, 1971.
- Lewis C. S. *Boi* [Pain], Chicago, SGP, 1987.
- Marion J.-L. “Ia sam dlia sebii stal velikim voprosnaniem” — privilegiiia neznaniia [“I Became Great Questioning for Myself” — the Privilege of Ignorance]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2011, no. 1, pp. 54–75.
- Marion J.-L. *Étant donné. Essai d'une phénoménologie de la donation*, Paris, PUF, 1998.

- Mikisha V. Sotsial'naiia distantsiia ot pokoinogo [Social Distancing From the Dead]. *Novaia gazeta* [New Gazette], April 11, 2020.
- Morton T. *Stat' ekologichnym* [Being Ecological], Moscow, Ad Marginem, 2019.
- Nicolaus Cusanus. O videnii Boga [De visione dei]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1979, vol. 2, pp. 33–93.
- Pasternak B. V bol'nitse [In the Hospital]. *Kogda razguliaetsia* [Being on the Loose], Paris, Izdanie liubitelei poezii B. L. Pasternaka, 1959.
- Pico della Mirandola G. Rech' o dostoinstve cheloveka [De hominis dignitate]. *Antologiiia mirovoi filosofii: Vozrozhdenie* [Anthology of World Philosophy. Renaissance], Minsk, Kharvest, 2001.
- Pir — eto luchshii obraz schast'ia. Obrazy trapezy v bogoslovii i kul'ture* [The Feast Is the Best Image of Happiness. Images of Meals in Theology and Culture] (eds S. Panich, I. Iazykova), Moscow, BBI, 2016.
- Prange A., Zhukov E. Pokhorony v usloviakh pandemii koronavirusa: proshchanie zapreshcheno? [Funeral in a Coronavirus Pandemic: No Goodbye?]. *Deutsche Welle*, April 12, 2020. Available at: <http://dw.com/ru/pokhorony-v-usloviakh-pandemii-koronavirusa-proshchanie-zapreshcheno/a-53087870>.
- Sasskind D. Kak izmenitsia mir posle COVID-19? [How Will the World Change After COVID-19?]. *Finansy i razvitie* [Finance and Development], June 2020.
- Severtsev V. V. Ot tragedii k uzhasu: aksiologicheskii povorot kul'tury [From Tragedy to Horror: Axiological Turn in Culture]. *Izvestiia TulGU. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the TSU. Human Sciences], 2018, no. 3, pp. 91–99.
- Shishmarev V. F. Dzhovanni Bokkachcho [Giovanni Boccaccio]. *Dzh. Bokkachcho: pro et contra. Antologiiia* [G. Boccaccio: pro et contra. Anthology], Saint Petersburg, RKhGA, 2015, pp. 441–449.
- Shklovskii V. B. Chto sluchilos' posle chumy 1348 goda? [What Happened After the 1348 Plague?]. *Povesti o proze* [Novellas on the Prose], Moscow, Inostrannaia literatura, 1966, vol. 1.
- St. Bonaventure. *Putevoditel' dushi k Bogu* [The Mind's Road to God], Moscow, Greko-latinskii kabinet, 1993.
- Thucydides. *Istoriia* [History], Saint Petersburg, Nauka, Iuventa, 1999, bk. II.
- Tolkovaia Bibliia Lopukhina [Anchor Bible of Lopukhin]. *Bibliia onlain* [Bible Online]. Available at: <http://bible.by/lopuhin-bible/23/11>.
- Veselovskii A. N. Khudozhestvennye i eticheskie zadachi "Dekamera" [Artistic and Ethical Tasks of "Decameron"]. *Dzh. Bokkachcho: pro et contra. Antologiiia* [G. Boccaccio: pro et contra. Anthology], Saint Petersburg, Saint Petersburg, RKhGA, 2015.
- Veselovskii A. N. Liubov' k F'iammette [In Love With Fiammetta]. *Dzh. Bokkachcho: pro et contra. Antologiiia* [G. Boccaccio: pro et contra. Anthology], Saint Petersburg, Saint Petersburg, RKhGA, 2015.
- Woodard B. *Dinamika slizi. Zarozhdenie, mutatsiia i polzuchest' zhizni* [Slime Dynamics: Generation, Mutation, and the Creep of Life], Perm, Hyle Press, 2016.
- Woodard B. Mad Speculation and Absolute Inhumanism: Lovecraft, Ligotti, and the Weirding of Philosophy. *Continent*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 3–13.
- Yampolskaya A. M. Fenomenologiiia kak sniatie metafiziki? [Phenomenology as a Sublation of Metaphysics?]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2011, no. 3, pp. 107–123.